

Луизи Луари

У реки,
под мостом...

© Luigi Lunari (2004)

© Валерий Никораев (Перевод с итальянского - 2009)

Действующие лица:

**Бомж
Женщина
Синьор**

... И предал я сердце свое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это – томление духа: потому что во многое мудрости многое печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Экклезиаст, 250 до РХ.

*Все происходит на окраине города, у реки, под мостом.
Под металлической конструкцией моста пристроена лачуга из досок и картона. У входа в нее лежит мешок. В противоположной стороне куча мусора - незаконная свалка.
Сзади крутой склон с редкой растительностью. Петляющая тропинка ведет на гребень склона, за которым, вероятно, шоссейная дорога.*

1.

БОМЖ, мужчина лет тридцати, не особенно грязный, не запущенный, не опустившийся сидит, глядя на текущую воду. Одежда, поношенная и несвежая, но, судя по фасону и материалу, дорогая. В руке у мужчины палка, ею он задерживает различные предметы, которые течение тащит мимо него. Он рассматривает их и отпускает плыть дальше. Поворачиваясь в сторону лачуги, ведет репортаж.

Бомж (кричит). Подушка!.. Только вся рваная!.. Пакет из-под молока... Кукла... А знаешь, за несколько недель до того, как ты пришла сюда, здесь проплыл труп... Женщина, почти голая, с широко раскрытыми глазами... точнее, с тем, что осталось от глаз... Я не трогал ее, пусть плывет дальше, и никому ничего о ней не сказал... Мне хватило того одного раза, когда я вытащил раненого из разбитой машины и отвез его в госпиталь... Заработал кучу проблем... с клиникой, с полицией... Помнишь? Я тогда только-только получил права... Да еще все заднее сидение в моей машине насквозь пропиталось кровью...

Шум остановившейся на мосту мусоровоза. Бомж поднимает глаза, ждет. Сверху на кучу мусора сыплется воз макулатуры, банок, тряпья и прочего.

Вот и манна небесная... (Подходит к свежему мусору, перебирает его палкой, проверяет пачку сигарет - пуста, пробует зажигалку - не работает. Поднимает обрывок журнальной обложки, разглядывает, читает). Святая Маргарита из Лимы... Ора про нобис... Ну да, нам здесь только святых не хватает, чтобы занялись нами. Молитесь, молитесь за тех, кто нуждается в милости Божией!.. (Комкает бумагу и бросает обратно в кучу мусора). Ничего интересного!

Звонит мобильный телефон.

Женский голос (из лачуги). Телефон!

Бомж. Это не мой! (Пауза). Я сказал, что это не мой!..

Из лачуги выходит ЖЕНЩИНА, лет шестидесяти. Ее одеяние тоже в неплохом состоянии, может, на ней даже вытертая шубка.

Женщина подходит к мешку, лежащему у входа, роется в нем, выуживает телефон, открывает его.

Женщина. Алло?.. Да, я... Здесь... Не знаю, может, отключил. Он всегда выключает телефон... Да, я поняла. (Отключается. Бомжу). Он пытался дозвониться на твой мобильный, но ты не ответил. Где он? Выключен?

Бомж. Я его выбросил.

Женщина. Почему?

Бомж. Потому что он мне ни к чему. У тебя же есть. Одного вполне достаточно.

Женщина. И куда ты его выбросил?

Бомж (зевнув). Не помню... Он там (показывает на кучу мусора)... или там (показывает на реку). Мне не нравится, что я доступен каждому, кому приспичит достать меня, когда

ему вздумается... От этого у меня чувство, что за мной шпионят. И даже хуже. Что я заключенный с маячком на ноге.

Женщина. Если не хочешь ни с кем общаться, мог бы его не включать.

Бомж. Тогда какая разница, есть он или нет.

Женщина. Ты можешь включать его, когда захочешь.

Бомж. Поскольку я никогда не хочу, я его выбросил... Ладно, схожу за газетой.

Женщина. Подожди минуту. Сейчас он придет.

Бомж. Он поэтому звонил?

Женщина. Да.

Бомж. А почему ты мне сразу не сказала?

Женщина. Я тебе и говорю.

Бомж. Я пошел за газетой.

Женщина. А если он придет, когда тебя не будет?

Бомж. Ничего страшного. Подождет, пока вернусь. *(Встает и идет к тропинке).*

Женщина. Ты сегодня умывался?

Бомж. Да.

Женщина. И шею мыл?

Бомж. И шею тоже. И даже за ушами!

Женщина. Мне кажется, что ты грязный.

Бомж. Это потому, что вода грязная. Это же обычные промышленные стоки. Полно грязи. Ты должна сказать об этом. Знаешь, кому?

Женщина. Знаю, знаю.

Бомж *(уходя).* Хозяину фабрики!

Женщина провожает его взглядом, затем опускается на колени на картонную коробку или на что-то похожее, что может сойти за церковную скамейку для коленопреклонения, крестится и, шевеля губами, читает молитву.

Спустя несколько мгновений слышится звук подъехавшего автомобиля. Женщина уходит в лачугу и выходит с одеялом в руках, вешает на ферму моста и начинает выбивать его. На вершине склона появляется СИНЬОР, он чуть постарше Бомжа, одет со скромной элегантностью: дорогой серый костюм, поверх которого пальто из верблюжьей шерсти.

Некоторое время смотрит на Женщину, затем спускается по тропинке. Подходит к ней, вопросительно смотрит, как бы спрашивая: ну и где он?

Женщина. Пошел за газетой.

Синьор. Когда вернется?

Женщина. Не знаю, зависит.

Синьор. Уфф! Обычно сколько это занимает?

Женщина. Пять... десять минут... Хотя однажды он пришел через два дня.

Синьор. Он тебе не говорит?

Женщина. Этого он сам не знает. Он так поступает не специально. Так у него получается, и все тут.

Синьор вздыхает и недовольно качает головой.

Хочешь сесть?

Синьор. Куда?

Женщина. У нас есть стул.

Скрывается в лачуге, выносит откуда что-то, напоминающее креслице, бывшее когда-то мягким, теперь нечистое и полуполоманное. Ставит рядом с Синьором, который с брезгливой гримасой усаживается в него, стараясь, насколько это возможно, не испачкать костюм и пальто.

Синьор (после паузы). Он должен подписать кое-какие бумаги...

Женщина. Опять?

Синьор. Думаю, что это последние... Если он, конечно, не передумал.

Женщина. Уверена, что он не передумал.

Синьор вздыхает.

Женщина вновь принимается выбивать пыли из одеяла.

Долгая пауза.

Синьор. Знаешь... дела идут неплохо. Совсем неплохо. Я даже боюсь, как бы не сглазить. Мы вынуждены были ввести на фабрике третью смену... и на той, что в Румынии, тоже.

Женщина безучастна.

Тебе это не интересно?..

Женщина. Я очень рада за тебя.

Синьор. Почему только за меня? Я даю работу трем тысячам работников: пятнадцать тысяч человек имеют еду и кров, потому что я... потому что мы... Мне кажется, это немало. Я кормлю пятнадцать тысяч человек!

Женщина. То есть тех, кто кормит тебя.

Синьор (с горькой усмешкой). Чьи это слова?

Женщина. Ты сам знаешь, чьи.

Синьор (смотрит на Женщину долгим взглядом, качает головой). Ах, мама, мама!.. (Пауза). Мама!..

Женщина прекращает работу и поворачивается к нему.

Ну зачем, мама?..

Женщина. Зачем что?

Синьор (обводит рукой пространство, с печалью). Зачем... зачем все это! Что случилось?..

Женщина. Он идет. Замолчи.

Синьор (нервно). Замолчи... Почему я должен замолчать! Если он меня слышит, тем лучше. Может, он ответит на мой вопрос! Больше того, именно он и обязан ответить!

Бомж сходит по склону с газетой в руках. Он явно слышал последнюю фразу, но и виду не подал..

(Бомжу). Ты понял меня?

Бомж. Умер Вальтер Скотти.

Синьор. Кто?

Бомж. Вальтер Скотти.

Синьор. А кто это?

Бомж (*поправляя*). Кто это был.

Синьор. Кто это был?

Бомж. Не знаю. Знаю только, что он умер. Поскольку в газете напечатан некролог. (*Разворачивает газету, читает*). «Супруга, сын, племянник сообщают о смерти Вальтера Скотти... служащего муниципальной электрической компании».

Синьор. Ты был с ним знаком?

Бомж. Нет. Впервые о нем слышу. (*Не отрывая глаз от газеты*). Невероятно. Человек умирает, а его жена и сын не находят других слов, кроме того, что он был служащим муниципальной электрической компании!

Синьор (*с раздражением*). Не вижу ничего невероятного. Очевидно, это была его должность.

Бомж. Мне интересно, что за этим стоит. Возможно ли, чтобы жене или сыну нечего было сказать? Хотя бы какое-нибудь прилагательное об усопшем. Намек на их горе. Ничего! Умер - и все. Как ты себе это объясняешь?

Синьор. Абсолютно не считаю нужным чего-либо здесь объяснять.

Бомж. По-моему, проблема не в деньгах. Бедные семьи некрологов в газете не публикуют. Хотя то, что между сыном и племянником стоит запятая, а не союз «и», что было бы логичнее, заставляет думать, что они старались сэкономить на количестве слов. Но все же чем объяснить такой сухой текст? Может, усопший был одним из тех самодуров и тиранов, от смерти которых все испытывают чувство облегчения? А может, он сбежал лет тридцать назад, бросив жену и сына, а вчера отдал концы, и тем не остается ничего, как похоронить его с мыслью: ну и прекрасно, что умер, аминь. И никаких лишних слов? А?

Синьор. Послушай, я...

Бомж. А этот племянник? Супруга, сын, племянник... Кто он? Сын брата или сын сестры умершего? А где сами эти брат или сестра? Тоже умерли? Или так и не простили его за то, что он сбежал, бросив на них жену и сына? Этот племянник, наверное, единственный по христиански милосердный, поскольку один из родственников пришел на похороны всеми брошенного дяди!.. Я думаю, о жизни такого человека можно писать романы, но он умирает, а у жены и сына не находится ни одного теплого слова, только скупое извещение о кончине. И этот загадочный племянник, неожиданно появляющийся из-за колонны или из-за куста. Шикарный сценический эффект, если подумать! Что ты на это скажешь? Нет, можешь не спешить отвечать сразу. Я знаю, это нелегкий вопрос. Черт, эта история запала мне в башку, и неизвестно, как долго она будет морочить мне ее! Так бывает с музыкальным мотивчиком, ходишь и насвистываешь часами, и никак не можешь от него отвязаться. Остается надеяться, что в завтрашней газете появится какая-нибудь новость поинтереснее, которая избавит меня от этой. Клин клином вышибают. Как в тот раз, когда профсоюзы решили организовать марш протеста против дирекции нашей фабрики... ты помнишь, как мы перепугались?.. А днем раньше случилось нападение на башни-близнецы в Нью-Йорке, и на марш никто не пришел. Клин клином, это точно. (*Неожиданно, Синьору*). Тебе что-то от меня требуется?

Синьор (*деловым тоном*). Твоя подпись. (*Достает из кармана несколько сложенных листков*). Вот на этих бумагах.

Бомж. Тебе нужно прямо сейчас?

Синьор. Да, сейчас... Какие-то проблемы?

Бомж. А если у меня сейчас нет желания?

Синьор поворачивается и смотрит на Женщину.

Женщина (Бомжу). Сделай, что он просит.

Бомж. Сколько их?

Синьор. Пять или шесть.

Бомж. Так пять или шесть?

Синьор. Восемь.

Бомж (Женщине). Вот видишь, он все время старается обмануть.

Женщина. Подпиши.

Бомж шарит по карманам в поисках ручки, не находит. Синьор протягивает ему свою. Прежде чем взять ее, Бомж вытирает руку о рукав пиджака. Подписывает бумаги. Синьор и Женщина обмениваются взглядами. Подписав три или четыре документа, Бомж замирает.

Бомж. Эй, а это что такое? Доверенность на пять лет? Обязательно нужно было указывать пять лет?

Синьор (с легким раздражением). Таков закон. Доверенность должна иметь срок.

Бомж. Это значит, что через пять лет ты опять явишься сюда, чтобы заставить меня подписать новую доверенность?

Синьор не отвечает. Взглянув на Женщину, разводит руками, словно говоря: ты видишь?

Бомж (хмыкнув, подписывает остальное). Семь... Восемь... Забирай.

Синьор. Спасибо.

Бомж. Это все?

Синьор. Это все. *(Встает, собираясь уходить).* Как у вас с едой? У вас есть, что есть?

Бомж. С едой все в порядке, не беспокойся.

Синьор поворачивается к Женщине.

Женщина. Не беспокойся, с едой все в порядке.

Синьор. Может быть... вам точно ничего не нужно?..

Бомж отрицательно качает головой.

Синьор (мнется). Если что-то будет нужно, позвоните...

Уходит вверх по тропинке. Женщина провожает его взглядом. Затемнение.

2.

Утро следующего дня. Бомж читает газету. Женщина смотрит на восход солнца и на тропинку, по которой вчера ушел Синьор.

Женщина. Это еще не все.

Бомж. Ты о чем?

Женщина. Вчера, когда он ушел с подписанными бумагами, это было еще не все. У него было еще какое-то дело.

Бомж (*не отрываясь от чтения*). Тогда он придет опять. Сейчас как раз его время, не так ли?

Женщина. Но к кому он придет? К тебе или ко мне?

Бомж. Извини... что ты сказала?

Женщина. Он придет поговорить со мной или с тобой?

Бомж (*продолжая читать газету*). Или с нами обоими.

Женщина. С нами обоими нет.

Пауза.

Бомж (*откладывая газету*). Мама...

Женщина, не отвечая, по-прежнему смотрит на тропинку.

Мама... все-таки он странный тип... Это надо же! Спросить нас, не нужно ли нам что-нибудь!.. Знаешь, что мне это напомнило?... Историю с Диогеном. Ты знаешь, кто такой Диоген?

Женщина. Нет, я не знаю, кто такой Диоген.

Бомж. Древнегреческий философ. Жил в бочке. Бомж. Никогда не слышала?

Женщина. Ах, этот. Слышала.

Бомж. Однажды его пришел навестить Александр Македонский... Ты знаешь, кто был Александр Македонский?

Женщина. Слышала.

Бомж. Император. В те времена императоры еще ходили проведать философов. Совсем как Бог в Библии, который иногда спускался с небес, чтобы поговорить с людьми. Диоген сидел на земле перед своей бочкой. Как мы. Александр подошел, они побеседовали... не знаю, о чем, история об этом умалчивает. А в конце, когда пришла пора прощаться, Александр спросил, может ли он что-нибудь сделать для Диогена. И знаешь, что ему ответил Диоген?

Женщина. Отойди в сторону, ты мне заслоняешь солнце.

Бомж. Видишь, ты тоже знаешь. В первый раз, когда мне рассказали эту историю, я подумал, что это просто остроумная шутка. Однако, подумав получше, я понял... действительно, что мог сделать Александр Македонский для Диогена? Предложить ему пост, официальную должность? Дать ему денег? В чем мог нуждаться Диоген? Так что, единственное что мог сделать для него Александр, это не заслонять ему солнце. Кажется шуткой, а на самом деле, что более верное и глубокое мог бы сказать один человек другому? Самый мудрый выбор!.. Но его нелегко понять.

На площадку перед лачугой падают солнечные лучи.

А вот и солнце! Как красиво! (*Счастливо улыбаясь, закрывает глаза, повернув к солнцу лицо. Потом встает, подходит к Женщине и нежно обнимает ее*). Мама... я тоже не нуждаюсь ни в чем... Даже в тебе.

Женщина. Я это знаю.

Бомж (*продолжает обнимать ее, с улыбкой*). А вот и Александр Македонский. Ты была права.

По склону спускается Синьор. Он слышит последнюю фразу Бомжа.

Синьор. В чем? В чем права?

Бомж. Ты что-то забыл?

Синьор. Я ничего не забыл. Просто... нам надо поговорить.

Бомж. Со мной? Или с мамой?..

Синьор. С тобой.

Бомж. Сегодня? Именно сейчас?

Синьор. А когда, если не сейчас?

Бомж. Когда хочешь. Я всегда здесь.

Синьор. Тогда сейчас.

Бомж. Значит, сейчас. Я это знал.

Заметно, что Синьор едва сдерживается.

Синьор. Хочешь, поедem домой? Или в мой офис?

Бомж. Зачем?

Синьор. Чтобы поговорить в спокойной обстановке.

Бомж. Я думаю, здесь спокойствия больше, чем достаточно. К тому же, солнце...

Синьор. Здесь... (*оглядывается по сторонам*).

Женщина. Если я вам мешаю, я могу уйти.

Синьор (*смущенно*). Нет-нет, ты не мешаешь.

Женщина. У меня кое-какие дела в доме.

Исчезает в лачуге. Бомж, закрыв глаза, наслаждается солнцем. Синьор смотрит на него.

Синьор. Я думаю, ты догадываешься, о чем я хочу поговорить с тобой. В следующем месяце пятидесятилетие основания фабрики и компании. И кроме того, первая годовщина смерти папы. Я... то есть все мы, мы подумали отпра... отметить обе даты вместе. С большим размахом.

Бомж. Все мы - это кто?

Синьор. Все мы... это все. Административный совет, соответствующие службы, отдел печати, отдел пabлик релейшн...

Бомж. Ясно. (*Бормочет, цитируя Синьора*). С большим размахом.

Синьор. Что ты сказал?

Бомж. Я сказал: с большим размахом...

Синьор (*раздраженно*). Да, все, как полагается в таких случаях. Обещал приехать замминистра промышленности. Может, будет и сам министр. Я пытаюсь договориться,

чтобы приехал и министр внешней торговли. В конце концов, у нас авторитет на мировом рынке. Кстати, по случаю события я придумал построить детскую площадку, где служащие могли бы оставлять своих детей. В Соединенных Штатах и в Англии провели эксперимент: результаты превосходные, производительность выросла на шесть процентов! А расходы незначительные. Так что и мы откроем такую же. Торжественно. Ты знаешь, как это бывает, министр разрезает ленту и все такое! Будет присутствовать телевидение! Несколько каналов! Будет епископ, он хочет совершить мессу во дворе, напротив столовой, затем освятить площадки и статую папы, которую мы поставили во внутреннем дворе. Папа на себя не очень-то похож, но ничего не поделаешь, заказ скульптору сделал сам президент Торговой палаты, а ему я не мог отказать.

Бомж. Вижу, это дело тебя крепко забрало.

Синьор. Еще бы! Поставь себя на мое место. Результат может быть фантастический... Да, чуть не забыл! Будет кое-что для рабочих. Медаль ветеранам, подарочные наборы для остальных. Вечером бал, с живой музыкой. На двух площадках. Одна перед столовой, вторая за складом. Для молодежи рок-группа, для пожилых что-нибудь помелодичнее... Приедет также делегация нашего завода в Румынии. Премияльная поездка для каждого, кто заслужил. *(Пытается пошутить)*. А все потому, что я дружу с профсоюзами. Они и носа не высунут из своих кабинетов. Представь себе, что для них значит поездка в Италию! После нас они проведут один день в Венеции и вернутся домой на автобусе. Согласись, неплохо задумано!

Бомж. Просто здорово.

Синьор. Коммуна решила присвоить имя папы площади перед зданием фабрики...

Бомж. Отлично.

Синьор. Будет куча народу... журналисты... телевидение... *(Решившись, наконец)*. Что мне говорить о тебе?

Бомж. Обо мне?

Синьор. О тебе... И о маме.

Бомж. Оставь маму в покое.

Синьор. Ради Бога, Джанни, не делай вид, что не понимаешь, о чем я! По-твоему, в такой ситуации я могу позволить, чтобы люди узнали, что мой брат живет бомжом вместе с моей матерью?..

Бомж. Оставь маму в покое.

Синьор. Под мостом, в десяти километрах от семейного дома, от фабрики? В городе и так ходят слухи, а приедут журналисты, раскопают этот факт и раструбят на весь свет!.. Ты не понимаешь, как по-идиотски мы все будем выглядеть?

Бомж. Тебя только это заботит?

Синьор. Что?

Бомж. Как ты будешь выглядеть? То есть это проблема твоего имиджа?

Пауза.

Синьор *(горько)*. Нет, Джанни, это не только проблема имиджа. И ты это знаешь! Об этом я и хотел бы с тобой поговорить. Но, кажется, сегодня неподходящий день.

Бомж. Да, ты прав.

Синьор. Неважно. Поговорим в другой раз. Как-нибудь сядем и поговорим обо всем... когда ты будешь не против. А то я прошу, прошу, а ты все тянешь и тянешь!.. Но однажды мы поговорим! Как в детстве!.. А, Джанни? Если такое еще возможно... А пока о важном. Да, это проблема имиджа! Я не могу позволить себе в такой момент, когда наш

корабль идет под полными парусами, компания расширяется... мы уже не только в Румынии, мы в России, Украине, Белоруссии и даже в Азии! На прошлой неделе завершили переговоры об открытии заводов на Цейлоне и в Гонконге. Все законно, никаких заключенных, никаких детей-рабов, которые работали бы по десять часов в сутки... *(Эйфория от перспектив охватывает его, но он берет себя в руки)*. И при всем этом совладелец компании устраивает спектакль... строит себе лачугу на свалке под мостом и устраивается жить среди отбросов и дерьма, рядом со сточной трубой...

Бомж. С отравленной и грязной водой.

Синьор. Да еще тащит за собой свою мать...

Бомж. Я тебе сказал, оставь в покое маму.

Во время их разговора из лачуги вышла Женщина. Некоторое время стоит слушает.

Синьор *(замечает ее)*. А вот и она! Она все слышала, я уверен.

Женщина. Я освободилась.

Синьор и Женщина уходят по склону.

3.

Вечер. Бомж полулежит на склоне. Звонит мобильник. Бомж слышит, но не двигается с места. Мобильник звонит еще и замолкает. Бомж удовлетворенно улыбается. Какой-то звук привлекает его внимание. Он поднимается и идет к тропинке, на которой появляется Женщина. Бомж спешит к ней навстречу.

Бомж. Мама!.. Я уже начал думать черт знает что!

Женщина. Месса началась с небольшим опозданием. И я еще осталась немного, чтобы помолиться в одиночестве. А ты чем занимался?

Бомж. Наслаждался покоем. Размышлял. Потом навел порядок в доме. Почитал газету. Ты знаешь, ни слова больше о Вальтере Скотти, который вчера умер... Видимо, никому другому тоже нечего сказать о нем... Чай еще горячий, тебе налить?

Женщина. Да, спасибо.

Бомж *(наливая чай)*. Ты помнишь некролог, который мы опубликовали, когда умер папа? «Неутомимый труженик, примерный муж и отец, хранитель трудовой традиции нашего города!»... Мы напрягали все извилины, чтобы ничего не забыть. Некролог занял целую колонку. В нем было о папе все! Все!.. Вот и в некрологе этого Скотти, очевидно, было все, что можно о нем написать!.. Ты скажешь, о чем ты молилась?

Женщина. Сама не знаю, о чем. Просто молилась.

Бомж. Обо мне?

Женщине. Нет. Сегодня нет.

Бомж. О моем брате?

Женщина. Может быть.

Бомж. Считаешь, что ему это нужно больше, чем мне?

Женщина. Не знаю, я об этом не думала.

Бомж. Наверное, ты права. *(Пуаза)*. Мама, почему ты не возвращаешься к нему? Почему не возвращаешься домой?

Женщина молчит.

Мама, я же сказал тебе, что не нуждаюсь ни в чем. И не в ком. Даже в тебе. И мне больно видеть, как ты страдаешь...

Женщина. Я страдаю?

Бомж. Видеть тебя здесь... в этом... в этих условиях... живущей, как оборванка... уставшей... Скоро наступят холода...

Женщина. В моей жизни были моменты и потрудней.

Бомж. Я знаю, мама, знаю. Я это помню.

Женщина. Как ты можешь это помнить? Ты тогда даже еще не родился.

Бомж. И все же я помню! Может, это передалось мне от тебя и от папы...

Садится у ее ног.

Женщина (словно рассказывая сказку). Тогда для нас не существовало ни дня, ни ночи. Мы спали прямо у станков, среди ящиков с готовыми изделиями... боялись, что их украдут... и чтобы быть готовыми начать работу сразу, едва проснемся... И там же мгновенно засыпали, когда валились с ног от усталости... Даже когда у нас появились двое первых рабочих, мы спали там же, боясь, что они могут унести что-нибудь... В углу, рядом с входной дверью, у нас была кухня... и там печь... А дом... дом мы нашли только тогда, когда прибыл новый станок, и в мастерской для нас больше не оставалось места...

Бомж. Дом я помню. Помню его стены...

Женщина. А ничего другого и не было... только стены...

Бомж. А после?

Женщина. А после дела пошли лучше и лучше. Мастерская стала фабрикой, вместо двух рабочих стало десять, потом двадцать...

Бомж. Потом сто...

Женщина. Потом сто, потом двести... и скоро мы уже не могли запомнить имени каждого. Твоего отца это очень огорчало! Меня тоже. Хотя я не была такой сентиментальной, как он. Женщины, они, знаешь, более реалистичны. Иногда чересчур... А тем временем появились служащие...

Бомж (как ребенок). Расскажи мне о том, который ушел на пенсию и вы взяли на работу его сына...

Женщина (улыбается). Да, было такое. Первый из рабочих, кто, уходя на пенсию, попросил нас принять на работу его сына... Твой папа так и сделал, взяв его на место отца.

Бомж. А тем временем появились служащие...

Женщина. Мастера, управленцы...

Бомж. Отделы, мама, отделы!

Женщина. Да, и отделы. Вместо отдельных людей – отделы. Персонала, снабжения, коммерческий...

Бомж. ... пресс-служба, паблик рэлейшн...

Женщина. Нет-нет, эти позже. Когда уже приехали вы, ты и Карл! Мы и понятия не имели о таких вещах! Это было для нас слишком... не знаю, как сказать... словно другой мир... Твой отец еще продолжал говорить: я иду в мастерскую... но ее уже не было, была фабрика... И это тоже был другой мир... Иногда... да, иногда... когда тоска его забирала, он прогуливался среди станков и сборочных конвейеров... Я глядела на него, и у меня болело сердце. Проходить мимо всех этих работяг в фирменных комбинезонах, с

испачканными маслом руками, и никого не знать... не знать их имен, не знать, есть ли у них дети, какие у них проблемы... не знать ничего! Поэтому, особенно в последние годы, когда он уже мог доверить мне фабрику, он брал свои бумаги, чертежи и образцы, садился в самолет и отправлялся на другой конец света: Америка, Япония, Англия... а возвращался и вовсе с другой стороны... из Москвы или Бухареста...

Бомж. Исчезая на пять дней, с понедельника по пятницу...

Женщина. Да, но в субботу и воскресенье всегда был дома. И проводил их, работая с документами. Прямо на кухонном столе, как когда-то, когда мы еще жили в двух комнатках...

Бомж. Знаешь, а я помню это время. Хотя бы потому, что и тебя с понедельника по пятницу я почти никогда не видел.

Женщина. Я должна была замещать его. В мастерской, ты понимаешь, да? Пока он был в отъезде, с понедельника до пятницы. Выходные дома. Иногда только ходил в церковь...

Бомж. Это я тоже помню... Как он хотел, чтобы мы ходили вместе с ним. Однажды я спросил его: папа, но ты же коммунист? А он: даже Бог был коммунист.

Женщина. Да-да, он всегда говорил: Бог – он коммунист!

Бомж. А еще он говорил: проклятая фабрика!

Женщина. Проклятая фабрика и проклятые деньги!

Пауза.

Бомж. Как ты думаешь, если б папа был жив, он был бы доволен?

Женщина. Чем?

Бомж. Всем. Нами, компанией, деньгами, которые сделал... Почему ты не отвечаешь?

Женщина. Что?

Бомж. Я спросил тебя, если б он был жив, был бы он доволен?

Женщина. Да, конечно... Думаю, да.

Бомж (*смеясь, словно поймал ее на ошибке*). Неправда, мама, это ты выдумываешь.

Женщина. Вовсе нет. Он очень гордился тем, что создал. Как и твой брат. Это он перенял от отца. Конечно, не все ему нравилось, кое о чем он сожалел...

Бомж. О том, что не остался таким, каким был когда-то?

Женщина. Я помню... много лет назад... может, это был единственный раз, когда он вышел из дома в субботу вечером и пошел в тратторию, хотел поиграть в карты, как раньше. В траттории было много его рабочих. Он играл, но, как он мне потом рассказал, не получал от игры никакого удовольствия. Как раньше... Тогда-то он впервые и сказал: проклятые деньги!

Бомж. А ты? Что ты ответила?

Женщина. Проклятые деньги, спросила я, благодаря за них Бога!

Бомж. А он?

Женщина. Он промолчал. Но с тех пор в тратторию не ногой. Сказал: мне казалось, что играя со мной, они испытывают страх, они играли молча, с напряженными лицами, и никто не ругал меня, когда я делал неверный ход!.. Он очень переживал.

Пауза.

Бомж. Мама, если бы тебе выпала возможность подарить кому-нибудь тысячу евро... или миллион, неважно, кому бы ты их отдала, Диогену или Александру Македонскому?

Женщина. Скорее всего, Диогену... жившему в бочке.

Бомж. И ошиблась бы. Ты так ничего и не поняла из того, что я тебе рассказал. Тысяча евро, или миллион, для Диогена не значили ничего, мама! Для Александра Македонского, да, значили, на эти деньги он мог бы вооружить солдата, кормить его коня, купить паруса для корабля... Он знал, как их использовать! Это общее место, мама! Американским солдатам в Иране или Афганистане помощь нужна больше, чем афганским пастухам! Попробуй задуматься над этим. В чем нуждаются афганские пастухи? Во всем, скажешь ты. На самом деле, нет. Во всем или ни в чем - для них это одно и то же! Они никогда ничего не имели, поэтому ни в чем не нуждаются. Они даже не знают, чего им желать от этого мира. Это американские солдаты, которые находятся там, в пустыне или джунглях, без души, без горячей воды, без кондиционеров, без холодильника с кубиками льда... Вот они да, они страдают... им всего нехватает... Что ты об этом скажешь, мама?

Женщина. Я не слежу за твоей мыслью, Джанни. Эта материя слишком сложна для моего ума.

Бомж. Это я к тому, мама, что тебе лучше было бы остаться с Карло, а не со мной.

Женщина. Я остаюсь с тобой.

Бомж. В этом твоя ошибка, мама. Ошибка.

Женщина. Я остаюсь с тобой.

Бомж. Но почему, мама?

Женщина. Я не знаю. И не хочу знать. Мне известно только одно: я должна быть с тобой.

Пауза.

Бомж. Мама, послушай меня... Я собираюсь идти до конца. И с этим ничего не поделаешь. Надо позволить мне идти... В этом нет никакой трагедии. Так бывает. Мир движется вперед, но иногда кто-то отрывается от него, отстает, останавливается... Его больше ничто не интересует... он устал, ему все надоело... Я говорю я о себе. Я чувствую себя поломанной игрушкой. Разбитым яйцом. Что ты делаешь с разбитым яйцом, мама? Что ты с ним делаешь? Ты выбрасываешь его, потому что оно может испортить остальные. *(С болью в голосе)*. Дай мне идти до конца, мама! Не давай мне чувствовать угрызения совести за то, что я тащу за собой тебя! Уверю тебя, я чувствую себя хорошо, мама! Я спокоен и ни в чем не нуждаюсь. Я в мире с самим собой. Знаешь, что значит быть в мире с самим собой? Мало кто может сказать о себе такое. Вернись домой, мама! Вернись к Карло! Оставайся с ним... прошу тебя!

Женщина *(обнимает его)*. Я остаюсь с тобой, мой мальчик.

Бомж, кажется, сдаётся, затихая в объятьях Женщины.

На склоне появляется Синьор. Он останавливается на мгновение, потом спускается. Когда он доходит почти до края тропинки, Бомж и Женцина отрываются друг от друга.

Женщина уходит в лачугу.

4.

Синьор кажется растерянным. Бомж, напротив, держится непринужденно. Или притворяется, что непринужден. Достает из кармана табак и бумагу, сворачивает сигарету, жестом просит у брата огня. Синьор подходит к нему, достает из кармана зажигалку, дает брату прикурить.

Синьор. Уезжай, Джанни, исчезни!.. Твоя ненависть ко мне приведет к тому, что погибнет всё. Я... компания... мама...

Бомж. Я не испытываю к тебе никакой ненависти, Карло.

Синьор. Тогда как назвать все это? Ответ! Безумством? Сумасбродством? Издевательством?.. Я прошу тебя, исчезни. Исчезни хотя бы на несколько дней из города... как ты исчез из компании и из нашего дома. Исчезни на пару недель, чтобы можно было сказать: его нет в городе, уехал отдохнуть. Или: он в клинике на обследовании... *(Другим тоном)*. Джанни, мы здесь одни, я и ты, никого больше... Попробуем поговорить. Ты понимаешь, что я хочу сказать? Поговорить. Как когда-то, когда мы были детьми и рассказывали друг другу все. Я твой брат. И я люблю тебя... Давай поговорим!.. Скажи, что с тобой происходит?..

Бомж. Это длинная история.

Синьор. У нас есть время. Вся ночь, Джанни. Вся ночь... и даже больше, почти вся жизнь... Ну попробуй... закрой глаза и говори... как если б ты разговаривал сам с собой.

Бомж. Я не знаю, что говорить.

Синьор. Неправда! Так не бывает! На такой шаг, какой сделал ты, не решаются, не подумав прежде, зачем! И если это ясно мне, то тебе уж давно. Не может быть, чтобы ты над этим не подумал. Как говорили древние римляне: рэм тэне, вэрба сэквэнтэр.

Бомж *(автоматически поправляет)*. Сэквэнтур.

Синьор. Брось, и так понятно: держись сути дела, а слова найдутся. Если тебе самому не все до конца ясно, если у тебя в голове каша... говори, как есть. Я постараюсь понять тебя. Я твой брат, Джанни.

Бомж. У меня нет никакого желания обсуждать это, Карло. Ты можешь сказать все, что угодно... Скажи: он сошел с ума... Мне все равно.

Синьор. А мне нет, Джанни! Ты не сумасшедший!

Бомж. Почему я должен обсуждать это с тобой? Я совсем не уверен, что ты способен понять меня.

Синьор *(едва сдерживаясь)*. Ради Бога, оставь этот тон, Джанни! *(Передразнивает)*. Я даже не уверен, что ты способен понять меня!.. За кого ты меня принимаешь, Джанни? Человеколюбие ниже твоих моральных терзаний? Я настолько невежествен, настолько глуп или в чем-то дефективен, что недостойн даже сесть рядом и послушать, что с тобой случилось?.. Ладно, если все так, если я, как ты считаешь, неспособен понять тебя, позволь мне, по крайней мере, защитить себя. Мне достаточно одного звонка, Джанни, и через полчаса здесь будет «скорая помощь» с врачом и парой санитаров, которые доставят тебя в психушку, где ты будешь в своей тарелке, общаясь с докторами, которые привыкли понимать таких, как ты.

Бомж *(помолчав)*. Я не хотел сказать ничего обидного для тебя, Карло.

Синьор *(успокаиваясь, или делая вид, что успокаивается)*. Хорошо, оставим эту тему.

Бомж. Только я не понял, от чего ты должен защищать себя.

Синьор, огорченно вздыхая, качает головой.

А, ты боишься, что люди могут подумать, что прав я? Зря боишься. Люди похожи на тебя, Карло, они все будут на твоей стороне.

Синьор. Кто это все?

Бомж. Все жертвы и пленники твоей машинерии, Карло! Все, заблудившиеся в созданном тобой лабиринте! Ты в этом нисколько не виноват. Ты и сам жертва. Сам пленник. Ты тоже отравлен.

Синьор *(с сарказмом)*. Я да, а ты нет?

Бомж. Я нет, Карло. Я не хочу, чтобы сложилось впечатление, что я не такой, как все. Я не считаю себя лучше других только потому, что в какой-то момент мне показалось, что у меня открылись глаза, и я понял, что этот мир...

Синьор. Что этот мир? Давай, говори, что этот мир? Что он – сплошная ошибка? Что он несется к гибели?

Бомж. Слушай, оставь меня в покое. Что ты от меня хочешь? Если кто-то бросает карты и встает из-за стола, потому что больше не желает играть, вы что делаете? Силой усаживаете его за стол? Или везете в психушку?.. Я больше не играю, Карло. Я встал из-за стола. Я выбрал другой путь...

Синьор. Итак... ты тот, кому открылась истина, у кого открылись глаза. Ты Избранный, вышедший за пределы Мрака. В то время, как все мы, жалкие людишки, напротив...

Бомж *(перебивает его)*. Не говори со мной таким тоном, Карло. Клянусь тебе, я не испытываю никакого чувства превосходства. Я даже не претендую на свою правоту. Не исключено, что правы вы и правильно все, что вы делаете. Я вовсе не виноват в том, что вдруг...

Синьор. И что случилось с тобой вдруг?..

Бомж. Ты знаешь, что происходит, когда проявляется фотография? То, что на негативе было белым, становится черным, а то, что было черным, становится белым. Все превращается в свою противоположность. Именно так случилось со мной. И именно вдруг. Неожиданно я почувствовал себя родившимся заново ... или воскресшим... у меня будто пелена спала с глаз ... все стало ясным, конкретным и очевидным. Небесный Бог, сказал я себе, что это за мир, в котором мы живем? И ради чего мы живем? И что мы творим во имя такой жизни? Работа, любовь, войны, все наши усилия, страдания... для чего все это?.. Деньги, власть, обложки журналов, свет юпитеров... Вспышка, пустяк... И ради чего? Человек, царь мироздания, для чего он?

Синьор *(возвращая его на землю)*. Ты сказал: вдруг. И когда это вдруг с тобой случилось?

Бомж. Я стоял в очереди на бензоколонке. В полночь цену на бензин должны были поднять вдвое, и я решил залить полный бак. Хотел сэкономить десять евро. Смешные деньги, правда? И тем не менее, я провел там полчаса, полчаса моей жизни в очереди, где стояли десятки других машин...

Синьор. И там на тебя снизошло озарение? Многим было достаточно меньшего. Ньютону – яблока, Архимеду – кольца...

Бомж. Очередь за бензином была лишь фоном. Главное заключалось в том, что в этот день... это был день, когда умирал папа...

Синьор. Замечательно! Это был день, когда умирал папа, а ты начинаешь с бензоколонки!..

Бомж. Вы мне позвонили, и я поспешил домой.

Синьор. Поспешил?... Сильно сказано!

Бомж. Ты прав. Я очень боялся увидеть папу умирающим. Возможно, я и встал в очередь еще и поэтому... чтобы как-то оттянуть... И вдруг... *(Закрывает лицо руками)*.

Синьор. И вдруг что?..

Бомж. Вдруг я услышал голос папы. Он позвал меня... Я отчетливо расслышал сквозь уличный шум его голос... Я обернулся... Он был там, клянусь, я его видел! Всего на миг, но я его увидел, как вижу сейчас тебя. Он грустно улыбнулся и сказал: проклятые деньги!.. Как он часто говорил. Но сейчас это сказал умерший человек, понимаешь? И в этой фразе больше не было никакой двусмысленности! Она прозвучала как истина. Абсолютная истина! Проклятые деньги!.. Послание. Установка. Вот тогда у меня и открылись глаза...

Синьор *(после паузы)*. Я не понимаю. Я могу, конечно, представить, или заставить себя представить, твое состояние. Но при всем моем добром желании, если ты мне не объяснишь, я не пойму, как это возможно, стоя в очереди, чтобы сэкономить десять евро, вдруг сделать открытие, что деньги - проклятая вещь!..

Бомж. Папа всегда так говорил.

Синьор. Да, говорил. Делая при этом миллионы!

Бомж *(разочаровано)*. Ты не понимаешь...

Синьор. Я сам тебе сказал это первым. Я сразу же признался.

Бомж. Молодец.

Синьор *(задумывается, словно ищет и, наконец, находит правильное решение)*. Послушай, Джанни, я знаю, что тебе со всем этим делать! Ты должен написать книгу. Возвращайся домой. Плюнь на дела компании... как, впрочем, ты и всегда делал... занимайся только собой. Пиши. Выложи на бумагу все, что накопилось у тебя внутри, все, что с тобой произошло, о чем ты думаешь, что испытываешь... Может получится бестселлер!.. Как тебе идея?

Бомж. Идея неважная.

Синьор. Может, ты даже заработаешь кучу денег!.. Хотя, извини, этого я не должен говорить. Деньги - зло! Согласен. Однако они помогли бы объяснить кое-что себе самому...

Бомж. Мне себе не надо ничего объяснять.

Синьор. А другим? Забудь на минуту о том, какой ты сейчас. Вспомни, каким ты был год назад. Какими мы все тогда были. Нам, другим, хотелось бы понять: это твой естественный поступок - поставить крест на собственной жизни и сбежать жить на помойку? Да еще утачив за собой мать?..

Бомж. Оставь в покое маму.

Синьор. Это я должен оставить ее в покое? Не ты?

Бомж. Тебе хорошо известно, что она сама так решила. Я здесь не при чем.

Синьор. Ради Бога, не ври, что ты не при чем!

Бомж. Я все время прошу ее вернуться.

Синьор. Вранье!

Бомж. Она меня не слушает.

Синьор. Представляю, как ты ее просишь! Ты лицемер, Джанни!

Бомж. Да если бы мне удалось убедить ее вернуться жить с тобой, я бы чувствовал себя самым счастливым человеком!

Синьор. Ты лицемер, эгоист и врун!

Бомж. Я ни в чем не нуждаюсь...

Синьор. Только в маме!

Бомж. И ни в ком!..

Синьор. Ни в ком! Надо же! Еще один повод презирать тебя, Джанни! Да-да, презирать! Потому что очень удобно сидеть здесь, отгородившись от остального мира, как отшельник или индийский святой и ощущать себя абсолютным совершенством, с невозмутимым видом не замечая страданий, на которые обречены ради тебя другие... Я не верю тебе, Джанни! Я не верю в твои проблемы, в твои терзания! Я не верю ни одному твоему слову! Ты червяк! Посмотри на себя! Я тебя оскорбляю, а ты как себя ведешь? Безразлично пялишься в небо! Неужели тебе все равно? О чем ты думаешь? О своей сверхчеловеческой мудрости? О миссии, которая, как ты считаешь, тебе доверена? Тебе, единственному из людей, прозревшему и постигшему Истину! Вообразил себя равным Богу? Ты утверждаешь, что не нуждаешься ни в чем и ни в ком. А сам тем временем отравляешь жизнь маме, которая губит себя, мне, вынуждая ежедневно приходиться сюда, чтобы умолять поговорить со мной, чтобы достучаться до тебя и заставить тебя образумиться. Ты благосклонно принимаешь эти жертвы, словно идол, к ногам которого их приносят! Ты монстр, Джанни! Понял? Монстр!.. Что ты на это ответишь?.. Молчишь! Среагируй как-то, ради Бога! Неужели тебе самому не надоела эта роль? *(Кладет руки ему на плечи, трясет его)*. А если я сейчас сброшу тебя в воду? Если разобью тебе морду? Ты будешь доволен, правда? Как же! В таком случае ты еще и мученик!.. Отвечай же, черт тебя побери!..

Синьор с ненавистью смотрит на невозмутимого, словно в отключке, сидящего на земле с закрытыми глазами брата.

Бомж *(не открывая глаз, спокойно)*. Мама идет.

Синьор поворачивается к тропинке, по которой спускается Женщина. Она подходит к ним, садится в креслице.

Женщина *(Синьору)*. Ты уже уходишь?

Синьор. Да.

Женщина. Так рано?

Синьор *(чуть грубо)*. Да, так рано.

Помахав остальным рукой, уходит.

5.

Бомж и Женщина одни.

Бомж. Дни стали намного длиннее. Замечательный вечер сегодня, ты не находишь?

Женщина. Пожалуй.

Бомж. А что ты сегодня без дела? У тебя что, нет... не знаю... что-нибудь заштопать?...

Женщина. Почему ты спрашиваешь?

Бомж. Потому что когда ты рядом и ничего не делаешь, у меня создается впечатление, что ты за мной наблюдаешь, исследуешь меня... И тогда я теряюсь, не могу ни думать, ни разговаривать... А у меня еще столько всего, о чем я хотел тебя спросить.

Женщина поднимается, молча уходит в лачугу, но скоро выходит, в руках у нее какая-то одежда. Начинает ее ремонтировать.

Знаешь, мама, Карло не верит, что я постоянно уговариваю тебя вернуться домой. По-твоему, я, действительно, хочу, чтобы ты оставалась со мной?

Женщина. Я этого не знаю.

Бомж. И ты никогда не задавала себе этот вопрос?

Женщина. Нет.

Бомж. Но ведь такое можно предположить.

Женщина. Зачем? Что ты хочешь сказать?

Бомж. Я хочу сказать, что раз ты здесь... ты, наверное, думаешь, что я в тебе нуждаюсь, или что это доставляет мне радость.

Женщина. Я об этом даже не задумывалась. Я сделала то, что чувствовала нужным сделать.

Бомж. Или что должна была сделать?

Женщина. Нет. Я не понимаю, о чем ты.

Бомж (смеясь). Ты у меня феномен, мама. Всякий раз, когда тебе трудно ответить или когда ты не хочешь отвечать, ты говоришь, что не понимаешь.

Женщина. Твой брат тоже, когда общается с тобой, говорит, что не понимает тебя.

Бомж. В его случае это правда, мама. Но не в твоём. Ты все понимаешь. Тебе все известно.

Женщина. Мне известно только одно: мое место здесь.

Бомж. Но почему? Почему?

Женщина. Я тебе уже сказала, что не знаю. Это как спросить у собаки, почему она защищает своих щенков.

Бомж. Или у тигра, почему он их съедает. А от чего ты меня защищаешь, мама? Или от кого? Ты ошиблась объектом. Если тебе кого и надо защищать, так это Карло. Ты поняла?

Женщина не отвечает.

И вот еще о чем я хотел спросить. Этот вопрос пришел мне в голову, когда я последний раз разговаривал с Карло. Только, пожалуйста, не отвечай мне: я этого не знаю. Ладно? Ты должна попытаться ответить, сделай над собой усилие, если на самом деле хочешь помочь мне разобраться в себе... *(Помолчав).* Что имеет в виду... что имел в виду папа, когда говорил: проклятые деньги? Он, действительно, так считал?

Женщина. А что тебе ответил Карло?

Бомж. Карло? Он ответил: да-да, он всегда говорил «проклятые деньги», а тем временем делал миллионы.

Женщина. Так оно и было.

Бомж. Мама, не делай вид, что ты не поняла! Мне тоже известно, что он тем временем делал миллионы. Но почему он говорил: проклятые деньги? Почему говорил: проклятая фабрика? Почему? Это было лицемерие? Или просто манера выражаться? Одна из тех дежурных фраз, которые говорятся другим, чтобы те думали, что и у богатых тоже свои неприятности, и жалели их?

Женщина. Твой отец очень переживал... Нет, конечно, он был доволен тем, как шли дела... И одновременно переживал, что так много хорошего осталось в прошлом...

Бомж. Возможность знать по имени каждого рабочего?

Женщина. Да... это перестало быть возможным, когда их стало больше трех тысяч...

Бомж. Чувствовать себя своим, играя с ними в карты в трактории?

Женщина. Это было одно из самых сильных его переживаний. Он показывал мне свои ладони. Смотри, говорил он, у меня еще не сошли мозоли, и у тебя руки в мозолях, видишь, почему же все так изменилось?!..

Бомж. Он хотел бы вернуться назад?

Женщина. Нет. Нет. Он очень много работал, чтобы стать таким, каким стал. Может, он представлял себе, что все это будет немного иначе... Да, верно. Он представлял себя другим. Растущим, богатеющим, да... но не теряющим других по дороге. Не рассчитывающим на то, что с ним будут вести как с чужаком... почти как с врагом... Я даже не могу сказать, что я коммунист, говорил он, потому что люди будут насмехаться надо мной, уверенные, что я лицемерю.

Бомж. А ты?

Женщина. Что я?

Бомж. Что ты ему отвечала?

Женщина. Я ему говорила: не обращай внимания, двигайся дальше.

Бомж. А тебе никогда не приходило в голову остановить его?

Женщина. Остановить?!..

Бомж. Да, остановить. В какой-то момент. Когда он еще знал по именам всех рабочих, когда мастерская еще не стала фабрикой, а вы... вы уже начали жить хорошо. Вам обязательно нужно было большое предприятие? Вам было так уж необходимо открывать фабрику на Сицилии, а потом еще одну в Тунисе?

Женщина. Что значит было необходимо? Какие вообще есть необходимость в этом мире? Необходимо было идти вперед, и баста!

Бомж. Вперед до какого предела, мама?

Женщина. Как то есть до какого предела?

Бомж. Вот ты и показала когти. А ты... ты не думала о том, чтобы самой остановиться?

Женщина. Я никогда не играла в карты, никогда не ходила в тракторию, я всегда работала, и когда твой отец падал духом, я работала еще больше, чтобы он видел, как я работаю... до тех пор, пока он опять не присоединился к мне!

Бомж. *(После паузы).* Отвернись.

Женщина. Что?

Бомж. Отвернись. Смотри в другую сторону. Я не хочу, чтобы ты видела мое лицо, когда я задаю тебе свои вопросы.

Женщина. Тебе недостаточно, что я занята делом?

Бомж. Нет.

Женщина послушно переставляет креслице. Сейчас она сидит спиной к сыну и, вероятно, к публике.

Все время вперед, все время дальше и дальше! Как будто если остановишься, то, действительно, проиграешь! Но вперед - куда? Чтобы достигнуть чего? Если с каждым новым шагом перед тобой возникают новые финишные ленточки, маня и притягивая, словно магнитом? Я вспоминаю сказку, которую слышал в детстве. Бедный рыбак освободил доброго джина из бутылки, его туда заключил злой волшебник, и в награду рыбак попросил красивый дом, вместо жалкой лачуги, где он жил с женой. Но потом пожалел, что попросил так мало, и потребовал дворец, чтобы жить синьором, а затем и королевство, где стать королем. Но и этого ему показалось недостаточно. И он позвал

джинна и приказал ему, чтоб тот сделал его императором, а потом самим Папой римским. И всякий раз джинн давал ему то, что он требовал. И вот однажды рыбак замахнулся на то, чтобы сделаться ни больше ни меньше, как Богом. И на этот раз джинн исполнил его пожелание. Королевства и дворцы исчезли, а рыбак вновь очутился на берегу своей реки, нищим и голодным, как в тот первый день. Ты меня слушаешь?

Женщина. Да.

Бомж. И что ты на это скажешь?

Женщина. Ничего.

Бомж. Это то, что имел в виду папа?

Женщина. Я этого не знаю.

Бомж (*улыбаясь*). Неправда, мама, ты знаешь. Просто не можешь этого сказать. Или не хочешь. Потому что понимаешь, что правда на моей стороне, и что тебе было бы правильнее уйти к Карло и помогать ему, когда он карабкается изо всех сил к всемогуществу. Я знаю, что папа имел в виду именно это. И он мне это сказал. Или я каким-то иным образом унаследовал от него это знание. И я, скажем так, вовремя вышел из игры. Я увидел, что это постоянное движение вперед похоже на падение в водоворот, из которого нельзя выбраться и которое уже не остановить. Я признаю, что невозможно стоять на месте. Что вперед идти надо. Но только так, чтобы не получилось, как в случае с Вавилонской башней, когда люди уже не желали остановиться, а тянули ее выше и выше, к самому небу... до тех пор, пока не сошли с ума и не перестали понимать друг друга... Ты меня слушаешь?

Женщина. Да-да, продолжай.

Бомж. Видишь, ты опять говоришь: продолжай. Значит ты меня не слышишь. Сколько раз я заводил с тобой разговор на эту тему!.. Сегодня это последний. Мне больше нечего тебе сказать. Может, только... одну или две вещи. Или сто тысяч вещей. Потому что, ты видишь, мама, я начинаю думать и не могу остановиться... Это тоже водоворот... Другого типа, но по сути тот же самый. Начинаю с какой-нибудь глупости... например, принял ли я таблетку сегодня утром? Или - существует ли Бог? А потом пошло-поехало, одна мысль за другой. Пока не заболит голова... Хорошо ли мы сделали, покинув земной рай?.. А, мама?.. Шимпанзе, увидевший однажды, как мы встали на ноги, подняли голову и ушли, что он подумал о нас?... Нет, точнее, что он подумал бы, если бы мы вернулись? Да еще деформированными по вине какого-нибудь вируса, поглупевшими из-за озоновой дыры, дрожащими, словно желатиновые, лишённые костей... Что скажешь, мама?.. Ты где?

Пока он говорил, Женщина ушла в лачугу и теперь выходит с одеялом, которое набрасывает на плечи сына.

Женщина. Накинь, становится прохладно.

Бомж. Спасибо, мама. Ты всегда знаешь, что важнее всего. Я продолжаю философствовать, а ты замечаешь, что становится холодно... Я тебя очень люблю.

Женщина вновь садится в креслице и принимается за прежнее.

Интересно устроены женщины. Вы привязаны к вещам. Как в той истории, с рыбаком. Кстати, я упустил одну деталь. Это не рыбак был таким амбициозным. Это его жена. Это она его постоянно пилила: какой же ты дурак, что попросил так мало, зови джинна сюда,

чтобы он сделал тебя королем, императором, Папой римским!.. И так было во все времена: Ева с яблоком, леди Макбет с отравой...

Женщина. Женщины здесь не при чем.

Бомж. Как это не при чем? Женщины определяют путь мужчины! Мужчины только затем идут по нему... вперед, вперед, дальше... до полной катастрофы!..

Женщина что-то пробормотала.

Что ты сказала?

Женщина. Что это не проблема мужчин или женщин.

Бомж. Может быть. Не знаю, почему мне пришла в голову эта история с женщиной. Она здесь совсем не при чем, ты права. Или, может быть, я чего-то не знаю?.. Чего?..

Смотрит на мать, ожидая ее реакции, но та молчит.

Разве не ты стояла за папиной спиной? Может, это не ты его подталкивала? Подгоняла вперед? Ответь что-нибудь, мама.

Женщина. Я ему помогала. Когда он приходил в уныние, я говорила ему: мужайся. Когда он уставал, я говорила ему: соберись с силами, подумай о Карло, подумай о Джанни.

Бомж. А он?

Женщина. Находил. И силы, и мужество.

Бомж. А тебе не приходило в голову, что думать о нас могло означать совсем другое? Наше сиротство с понедельника до пятницы... его нет... тебя нет...

Женщина. Я не задумывалась.

Бомж. Я понимаю. Думать - вообще нелегкое занятие. Порой оно причиняет боль. И не только, когда нужно выбирать, как поступить в том или ином случае. Но и когда... когда просто думаешь, и все. Как я. Это похоже на блуждание в лабиринте, в хаосе тропинок и дорог, которые открываются перед тобой. Ты поворачиваешь направо и оказываешься в глухом тупике, возвращаешься назад, идешь налево, и оказываешься там же, где только что был. Хотя и в разговоре существует верное направление, но в нем столько возможностей отвлечься, отвлекаешься на то и на это - и теряешь нить... На чем я остановился? Прежде чем... отвлечься?..

Женщина. Почему мы продолжали идти вперед.

Бомж. Вот именно. Почему вы продолжали идти вперед. Какой был в этом смысл? Вперед - куда? Зачем? Чтобы жить лучше? Нет! Что хорошего, когда люди постоянно заняты, делаются дерганными, нервными, у матерей больше нет времени сидеть с детьми, и все кончается тем, что ими вообще перестают заниматься! А все ради денег. Ради того, чтобы забить дом вещами, чтобы на всю катушку пользоваться плодами прогресса... путешествия, телевизор, автомобили, одежда!.. Кто остановился, тот проиграл. Вперед, дальше, выше, копить, делать карьеру, каждый шаг открывает перед тобой возможность следующих двух!.. Это водоворот, и он все быстрее тащит тебя на дно...

Женщина. Не накручивай себя. Тебе это вредно.

Бомж (*несколько раз глубоко вдохнув, берет себя в руки*). Тебе известно, каким был самый впечатляющий подарок, который в средние века рыцарь мог сделать своей даме? При виде него не могла устоять ни одна женщина. Он раздвигал ноги даже монашкам-затворницам... Не знаешь? Ножницы! И все потому, что это был авангардный продукт, продвинутая технология. Это ценилось больше, чем украшения. Скажи, кто сегодня не в

состоянии подарить своей женщине ножницы? Дедушка, если помнишь, раз в год запрягал двуколку и ехал в город послушать оперу на открытом воздухе. А сегодня простым нажатием кнопки на пульте телевизора или, вставив си-ди в проигрыватель, можно увидеть все, что хочешь: оперу, фильм, футбол... А у кого сегодня нет шкафа, забитого одеждой, которая регулярно выбрасывается, потому что вышла из моды четыре месяца назад? Кто сегодня не ездит в горы кататься на лыжах? Не совершает заграничных путешествий? Не лечится, если заболит? Книги дешевы. Дети ходят в школу. Не все пока, конечно, но спокойствие! Гонка только начинается!.. Пока еще есть различие между высоким и низким, богатым и бедным. Но чем шире прогресс, тем больше вещей для всех! Не одних ножниц! И если продолжать делать вещи, их будет столько, что в конце концов не хватит даже жизни воспользоваться ими! Их будут просто выбрасывать на свалку! У людей есть все, мама! Больше, чем все! Какой смысл завидовать тому, кто имеет много, если последний человек в нашей волшебной стране изобилия имеет в сто раз больше того, чем в состоянии употребить? Какая необходимость в революциях, отстаивании прав, социальных битвах?.. Подумай о коммунистах, мама! Если бы сто, двести лет назад им показали, как сегодня живет последний батрак... знаешь, что бы они сказали? «Как! Рабочий день всего восемь часов?! И есть те, кто предлагает работать еще меньше? И зарабатывают люди столько, что в состоянии купить себе автомобиль? И голосуют, и решают, и прекрасно одеваются, и посылают детей учиться в университеты? Но тогда, - сказали бы они, - тогда все сделано, тогда мы победили, это рай земной, это коммунизм!» Пришлось бы объяснять им их заблуждения. Но они, с их шестнадцатичасовым рабочим днем, с их детьми, обреченными на ту же беспросветную жизнь, с их болезнями, никогда бы нам не поверили!.. «У нас будет всего больше, чем мы можем мечтать!» Вместо: «У вас всего слишком много, поделитесь с бедными!» «А теперь у нас все права, и нет необходимости рассчитывать на милостыню или христианское милосердие! Мы победили! Карл Маркс послал в задницу Иисуса Христа!»... Как ты считаешь, мама, папе понравился бы такой разговор? А тебе? Тебе нравится, что я говорю? *(Приближается к матери, обходит ее, чтобы увидеть лицо, без удивления)*. Ты плачешь? *(Ласково)*. Да, ты права, тут нет ничего смешного. Бедные люди!.. *(Отходит от нее и вновь поворачивается к ней спиной)*. Потому что этот механизм, который все время несет нас вперед и наверх, делающий нас все богаче... деньгами, вещами... позволяющий нам владеть, потреблять, бесконечно работая, чтобы производить больше и больше... этот механизм поражен вирусом, все разъедающим, все развращающим и, в конце концов, ведущим к гибели. Вперед, вперед, все время вперед... А что на финише, скажите, Бога ради, если у нас каждый - враг всем, каждый должен взять верх над другими, рискуя надорвать себе пупок! Кому нужна победа такой ценой? Мы вернулись в лес, мама! И кто победит, здесь, в лесу? Кто окажется более сильным, более способным выжить? Какой человеческий вид готов к этому? Только существа без памяти детства, безжалостные, не знающие нежности и любви! Внедренные словно шестерня в систему сцепления по имени жизнь, с заложенной в них программой производить, строить, зарабатывать, рваться вперед! Какими монстрами будут выглядеть те, кто окажется самыми приспособленными и кому удастся победить в этой гонке?.. Я очень испугался тогда, мама. Когда мне привиделся отец в очереди на бензоколонке. Ужас, который я испытал, отбил у меня желание жить этой жизнью. И я решил выйти за ее пределы. Хватит, довольно, сказал я себе. Жизнь – здесь, коль скоро она невозможна в другом месте. Здесь моя земля, река, эта ужасная манна, которая каждый день падает с неба... Я роюсь в ней, чтобы прочитать в этих никому не нужных газетах о том, что происходит там, у них... Там разрушают мир, мама, ради того,

чтобы сделать еще один шаг вперед, единственный мир, который у нас есть... И когда мне удастся в моих размышлениях придти к какому-то выводу, прежде чем моя голова начинает раскалываться от боли, я вижу такую финальную сцену: обезумевшая молекула, угасающий глаз, бессмысленные слова, вытекающие, словно слюна изо рта, уши, сплавляющие разрозненные звуки в одно мучительное непрерывное мычание, и люди-призраки, бродящие среди руин... И при всем при том, мама, это все же не трагедия! Другие божьи твари продолжают свою отрегулированную мудрую жизнь. Растения и травы покрывают руины, пчелы таскают нектар в ульи, обезьяны ловят блох у своих малышей, дельфины танцуют в волнах, рыбы замечают, что вот уже некоторое время в морях живет лучше... И только человек, покинув рай земной, бросил вызов Богу и выиграл, но не сумев распорядиться победой, плохо кончил! Придется подождать другого раза! У жизни достаточно времени, правда, мама? Однажды, быть может, попытается кто-нибудь другой! Или нет. Что ты скажешь на это?

Поворачивается к матери. Но той уже нет. Она ушла в лачугу, оставив его в одиночестве.

Бомж качает головой, впрочем, без разочарования.

Как обычно, я разговаривал с ветром.

Встает и уходит по тропинке.

6.

На сцене одна Женщина. С тазом в руках она подходит к воде, и начинает полоскать вещи.

По тропинке спускается Синьор. В руке у него смятая газета.

Синьор (*сердито*). Где он?

Женщина (*вздрагивает*). Сейчас вернется.

Синьор (*подходит к ней, берет за руку*). Мне обязательно видеть, чем ты занята? Ты нарочно? Скажи мне, ты делаешь это нарочно?

Женщина. Мне надо прополоскать...

Синьор. В этой воде? Ты что не видишь, какая она грязная? Тебе твой сын никогда не говорил, что фабрика ее загрязняет?.. Тогда почему ты в ней полощешь?

Женщина прекращает работу.

Молчишь? С тобой что-то случится, если ты скажешь хоть слово, мама? Ты всегда стараешься отмолчаться. Ты словно резиновая стена, мама! Вы сговорились, да? Чтобы заставить меня сойти с ума... чтобы разрушить... погубить все!.. (*Трясет у нее перед носом газетой*). Ты это видела?

По склону спускается Бомж.

(Агрессивным тоном, брату). Ты! Ты видел газету?

Бомж. Нет. Мне не досталась.

Синьор (с ехидством). Ну разумеется! Она закончилась сегодня в семь утра! Ее расхватили!

Бомж. Не можешь оставить мне? Или сделать фотокопию?

Синьор (с недоумением смотрит на него, поворачивается к Женщине). Ты слышала?

Но ее уже нет, ушла в лачугу.

Как всегда, как только слышит запах грозы, она уходит! (Зовет). Мама!.. Мама!..

Бомж. Оставь маму в покое.

Синьор. Это ты ее оставь!

Бомж спускается вниз. Синьор подходит к нему, потрясая газетой.

Ты добился того, что хотел! Доволен? Как ты это сделал? Устроил пресс-конференцию? Или дал эксклюзивное интервью? А? Сколько тебе за это заплатили? А почему не телевидению? Оно ведь тоже там было?

Бомж берет у брата газету, разворачивает и читает, не обращая внимания на эмоции Синьора.

Мама, выйди, пожалуйста! Я должен сказать вам одну вещь! Вам обоим!

Женщина появляется на пороге лачуги.

Сегодня утром, час назад, я дал поручение адвокату начать дело о лишении прав...

Бомж. Меня?

Синьор. А кого ж еще?

Бомж. Мне кажется, это бессмысленно. Разве я и так не подписываю все, что ты заставляешь меня подписывать?

Синьор. Да. А что делать с этим? Что? (Вырывает газету из его рук). По крайней мере, я смогу говорить: что вы от него хотите, он сумасшедший! Он сумасшедший и, к сожалению, гуляет на свободе, а не находится в дурдоме!

Бомж. Ты можешь это говорить и без заморочек с адвокатом. Уверяю тебя, я не стану ничего опровергать.

Синьор, не слушая его, ищет в газете и находит.

Синьор (читает). «Потому что этот механизм, который все время несет нас вперед и вверх, делающий нас все богаче... деньгами, вещами, позволяющий нам владеть, бесконечно работая... чтобы производить еще больше, чем можно было бы владеть... этот механизм поражен вирусом, все разъедающим, все развращающим и, в конце концов, ведущим к гибели. Вперед, вперед, все время дальше и выше... Но что на финише, скажите, Бога ради?.. Ведь в результате это движение вперед не больше, чем иллюзия, на самом деле мы пятимся назад... работая, ну не абсурд ли, по десять часов в день, двенадцать часов в день, в субботу, воскресенье...». Ты хоть знаешь, во сколько мне обошлось бы остановить конвейер в пятницу вечером и погасить печи, а потом

запустить все заново в понедельник утром? Знаешь? (*Продолжает читать*). «Женщины не видят своих детей, а отцы - лишь по вечерам, когда те уже спят в своих кроватках...».

Бомж. А разве не так?

Синьор. А это? «Карл Маркс послал в задницу Иисуса Христа!». Что это такое? А заголовок? «Промышленник в Каноссе: покаяние или бред сумасшедшего?»

Долгая пауза.

Женщина. Я могу уйти?

Ей не отвечают.

Женщина уходит.

Синьор. Я не понимаю... Я не знаю, почему так долго терплю все это... Ведь это не в моем характере! Только потому, что ты мой брат? Но этого мало! Потому что надеюсь в конце концов понять тебя?.. Или что ты меня поймешь?.. Сколько раз я старался найти ответ. Может, потому, что ты учился, а я нет?.. Тебе повезло, ты появился на свет, когда у нас уже были деньги! Ты учился в лицее, в университете... философия и все такое... а я с тринадцати лет должен был вкалывать... Никто в этом не виноват, я знаю. И тем не менее, это так. А сейчас у меня есть прекрасный повод сказать: я благодарю Бога, что у меня не было возможности учиться, если учеба дает вот такие результаты! Хочу надеяться, что это не зависть. Потому что чем больше я размышляю над этим, тем больше убеждаюсь, что, в конце концов, я тебя презираю! Я не верю тебе, Джанни! Я не верю в твои проблемы! Ты просто-напросто трус! Ты дезертир! И только делаешь вид, что единственный из людей прозрел и все понял!..

Бомж (*перебивая*). По-моему, мы об этом уже говорили.

Синьор. Да, говорили. Я помню. Но это не все. Есть еще кое-что, что касается только нас двоих. Меня и тебя. О том, что мы говорим и что на самом деле из себя представляем. Мы двое. Ты и я. Давай посмотрим в лицо реальности. Думаю, ты не будешь спорить, что не ошибается тот, кто ничего не делает. Но вот ты, ты ничего не делаешь, и что, ты, действительно, считаешь, что не ошибаешься? Какую и кому ты приносишь пользу? Я могу ошибаться, это бесспорно, но каждое утро, когда я открываю ворота фабрик, тысячи мужчин и женщин входят в них и, засучив рукава, производят то, что делает жизнь сотен тысяч приятней и удобней. Где бы мы были, ни будь этого? Сидели бы на ветке, лоя блох и вшей у наших деток, вместо того, чтобы научить их жить так, чтобы не иметь вшей? Прятались бы по пещерам и землянкам, до сих пор голые или одетые в шкуры, и умирали бы в двадцать лет от чахотки или отравы, успев произвести на свет десяток себе подобных, восемь из которых померли в первый же день, а двое, может быть, дожили до наших двадцати? Ради этого стоит родиться на свет? А не для того, чтобы следовать зову, который внутри каждого из нас? Чтобы учиться, создавать, развиваться, предвидя риски, избегая опасности, исправляя ошибки! Ты не веришь в людей, Джанни! Ты не веришь в людской здравый смысл! Выигрывают не бегством от жизни! Не в ожидании того, что кто-то явится и поможет тебе! Только участвовать! Искать! Стремиться! Учиться! Пробовать и опровергать! И создавать: дома, хлеб, одежду, вещи, машины, которые изменяют труд! Которые продлевают наши руки до бесконечности! Пока у каждого на этом свете, без исключения, будет все, что сделает его жизнь легкой и счастливой!.. Создавать, Джанни, трудиться!

Бомж (*помолчав, спокойно, смиренно*). А если созидание потеряет смысл, который ты в него вкладываешь?

Синьор. Когда? Завтра? Через месяц? Не потеряет. Может, через сто лет... Через тысячу... В таком случае тебе не все ли равно?

Бомж. Да уж... Тем более, что никто не сможет рассказать, как там будет через тысячу лет...

*Синьор вытирает пот со лба.
Из лачуги выходит Женщина.*

Женщина. Вы закончили?

Синьор. Да, закончили. Или только начали, не знаю. (*Брату*) Как ты думаешь, что сказал бы по этому поводу папа?.. Что молчишь? Скажи! Ты хвастался, что имеешь прямую связь с ним. А он всю жизнь созидал. Не получив образования, как и я.

Бомж. Что с тобой? В твоём возрасте и при твоих заслугах... индустриальный генерал, герой труда... ты все еще спрашиваешь, как малое дитя: что бы сказал папа?.. Ты помнишь, мама, когда я был маленьким, он и тогда все время говорил мне: что бы сказал папа? Если я делал что-нибудь не так, ломал какую-нибудь вещь...

Женщина (*с неожиданной энергией*). Прекратите говорить о вашем отце!

Синьор. О! Наконец-то, реакция! Наконец, что-то отличное от обычного, мама, а то всегда: не знаю, не слышала, не поняла!.. Молодец! Говори, раз начала!

Женщина. Я сказала только, чтобы вы прекратили упоминать отца. Всуе. Он не имеет никакого отношения к вашему спору. Когда он начал работать, для него это был единственно правильный выбор. Не было никакой нужды чем-то жертвовать. Людям не хватало всего, и мы, в меру наших сил, пытались сделать для них хоть что-то. Это сейчас все наоборот...

Синьор. То есть?

Женщина. Сейчас все иначе.

Синьор. В каком смысле, мама? Скажи, ради Бога!

Бомж. Она права. Сейчас изобретаются потребности, под которые надо производить вещи. Здесь начало водоворота. Все больше вещей - все больше новых потребностей. Все острее необходимость зарабатывать больше, чтобы покупать новые вещи, и все меньше времени для жизни... Мама права, папа остановился раньше, чем его окончательно затянуло.

Синьор. Папа не остановился! Он умер!

Бомж. Потому что все понял.

Синьор. Понял? Как ты? Тогда почему ж он не поступил, как ты? Не бросил работу, не отрёкся от всего, не сбежал?

Бомж молчит.

Мама, скажи ему ты!

Женщина (*резко*). Прекратите! Никто не имеет никакого права говорить за него. (*Помолчав*). Раз уж вы дошли до жизни такой... разбежались в разные стороны, один туда, другой сюда... не вам осуждать других. Тем более, вашего отца. Меня. Вы ничего о нас не знаете! Ничего!.. А сейчас оставьте меня одну.

Братья, переглянувшись, уходят по тропинке.

Женщина остается одна.

7.

Женщина внезапно кричит долгим, полным боли, безумным криком. Падает на колени, спрятав лицо в ладони. Долго молчит. Прислушивается. Снова кричит.

Женщина. Боже мой! Нет, нет, нет!... *(Закрывает глаза, крестится, молитвенно складывает руки, бормочет).* Аве Мария... исполненная любви и сострадания... да пребудет с тобой Господь милосердный... да будет благословен плод лона твоего...

Молитву прерывает звук выстрела. За ним второй, третий.

При каждом выстреле Женщина вздрагивает, словно пули попадают в нее.

Делает глубокий вдох, похожий на вдох освобождения от кошмара.

По тропинке сбегает Синьор с пистолетом в руке. Он тяжело дышит, возбужден, но не расстроен.

Коленопреклоненная Женщина стоит спиной к нему. Она не видит, кто идет. Зажмуривается, чтобы не видеть.

Женщина. Кто?

Синьор. Я.

Женщина *(кивает головой).* Я так и знала.

Молчание.

Синьор. Я застрелил его. Он мертв. Мне очень жаль.

Женщина. Это все, что ты можешь сказать?

Синьор. Он собирался убить меня.

Женщина. У него не было оружия.

Синьор. Когда ты спросила: кто?... Кого ты предпочла бы видеть перед собой?..

Женщина. Я не знаю. Я не знаю, кого. Но раз уж такому суждено было случиться...

Синьор. Так случилось. Было что-то сильнее меня... сильнее его... сильнее всего...

Женщина встает и уходит по тропинке, оставив Синьора наедине со своими мыслями. Он в ярости бросает пистолет на землю.

Женщина возвращается.

Женщина. Я закрыла ему глаза. Теперь он упокоился. Может, для него так и лучше... Надеюсь, они скоро приедут.

Синьор. Мне очень жаль, что так случилось, мама. Это твоя вина. Это ты настроила нас друг против друга. И он оказался лишним... Мне очень жаль.

Женщина. Он больше не нуждается во мне. Он всегда говорил, что не ему, а тебе нужна моя помощь.

Синьор. Была нужна.

Женщина. А сейчас?

Синьор. Я не терял головы, мама. Ни на секунду. И сейчас я в порядке. Я сам отдамся в руки правосудия. Другого выхода нет. Смешно думать иначе.

Женщина. А компания?

Синьор. Компания? Я о ней забыл... О компании позаботишься ты, мама. Как когда-то... Ты самая сильная из нас. Ты потеряла двух сыновей и думаешь о компании!

Женщина. Я уже стара для того, чтобы заниматься компанией. Я устала, и на мне слишком много грехов.

Синьор. Какие грехи, мама!..

Женщина. Разве не ты сказал, что это я настроила вас друг против друга?

Синьор. Я сказал, просто чтобы что-то сказать.

Женщина. Боже мой, Боже мой, святая Мадонна, Господе Иисусе!.. До каких пор будет дозволено сваливать на детей грехи их родителей? Когда они, наконец, восстанут, чтобы убить своих отцов?..

Синьор. И матерей?..

Женщина (*решиительным тоном*). Послушай. Сделай, как я советую. Подчинись мне, твоей матери, которая знает выход.. Мы оба скажем, что это сделала я.

Синьор. Что?!..

Женщина. Мы скажем, что стреляла я.

Синьор. Мама, ты сошла с ума! Это невозможно. Я стрелял. Сегодня такие вещи легко доказуемы, даже если все отрицать. На пистолете мои отпечатки.

Не говоря ни слова, Женщина поднимает с земли пистолет и дважды стреляет в воздух.

Женщина. А теперь мои.

Синьор. Но, мама, это глупо! Тебе зададут кучу вопросов, поймут на противоречиях, и правда выйдет наружу!

Женщина. Наймешь мне хорошего адвоката. Не экономь на деньгах.

Синьор. Мама!..

Женщина (*упрямо*). Хватит! Прекрати ныть. Так будет правильнее. И лучше для всех. И для всего. Хватит! Я устала потакать твоему отцу, тебе, твоему брату!..

Синьор. Мама, я тебя не понимаю. О чем ты говоришь?!

Женщина. Хватит! Будет так, как сказала я! Найди мне хорошего адвоката. И позови полицию. Звони сейчас же. Нет, езжай за полицией. Уходи отсюда! (*Голос ее задрожал*). Я хочу... я хочу остаться одна...

Синьор. Боже, мама, из какого материала ты сделана?!.. Каин убил Авеля, а Ева, их мать...

Женщина (*глухо, требовательно*). Уходи. Ничего не говори больше. Уходи!

Синьор медленно пятится, затем поворачивается и бежит, спотыкаясь, по тропинке.

8.

Женщина одна.

Женщина. Сколько лет прошло с того дня?.. Очень много! Тогда все прошло хорошо... Во всяком случае, как я задумала. Адвокат тем еще пройдохой... и никто, ни карабинеры, ни судьи, не задали мне много вопросов. Меня признали убийцей, как я и заявила. Дело почти моментально закрыли. В тюрьме я не пробыла и дня... Пара недель в клинике... под охраной, как положено... две, три, четыре экспертизы... и смешной вердикт... только чтобы напомнить, что нельзя убивать никого, даже собственного сына... смягчающие

вину обстоятельства... условное наказание... и тут же на свободу. Мешок денег адвокату. И все!

Появляется, или уже появился, Бомж. Его рубашка в крови на уровне сердца.

После суда я чувствовала себя выжатой, как лимон. Мне не хотелось жить. На кладбище я ходила каждый день, иногда даже чаще, чем раз в день, и разговаривала с ним... Когда он был жив, всегда говорил он. А когда его не стало, разговорилась я. Мало-помалу. Потом...

Вошел, или войдет, Синьор. На шее у него петля, которую он носит как шарф или фуляр.

Потом я потеряла второго. Его нашли в ванной офиса... он оставил записку, где было всего одно слово: хватит!..

Синьор. Мне было достаточно.

Женщина. И ничего для матери: извини меня, или что-то подобное... Так я осталась одна. С компанией на моих плечах. (*Короткий горький смех*). И сразу налетели мародеры. Со стороны и изнутри. И я сказала: да заберите вы все, и пропадите пропадом!

Синьор. Ты ждала моего прости, мама? Но за что? Разве не ты должна просить у меня прощения?

Женщина тихо плачет.

Бомж. Не трогай ее. Даже сейчас ты не можешь оставить ее в покое. (*Подходит к Женщине*). Тихо, мама, успокойся. Все прошло. Теперь тебе ничего не нужно.

Синьор. Все прошло? А если, наоборот, все только начинается? (*Другим тоном*). Мама, я спрашивал тебя много раз, но ты мне так и не ответила: почему ты ушла с ним?

Женщина молчит.

Бомж. Скажи ему, мама. Заодно и я узнаю.

Женщина. Однажды, много лет назад, когда он был совсем маленьким, а я целыми днями пропадала на работе... я вернулась очень поздно... он уже лежал в кроватке. Я захотела его поцеловать, но он грубо оттолкнул меня и сказал: мне было так плохо без тебя, а тебя все не было и не было... а сейчас уйди, я хочу спать.

Синьор (*не понимая*). Это все?

Женщина. Это все.

Синьор (*пораженно*). Это и есть ответ?.. Мама, ты шутишь!

Женщина падает на колени и, тихо плача, молится.

(*Брату*). Ты что-нибудь понял?... Мама!..

Бомж. Оставь ее в покое.

Синьор. И так всегда! Когда она не знает, что ответить, начинает молиться!

Бомж. Вот и не мешай ей!

Женщина (*не обращая на них внимания*). Святая Мадонна... ты, видевшая сына своего распятым на кресте... скажи мне, чувствуешь ли ты свою вину?.. За то, что не смогла

остановить его, твоего ребенка?.. За то, что не удержала его рядом с собой?.. Упрекала ли ты когда-нибудь себя?.. Не пыталась ли дать ему то, что он искал, лишь бы он не платил за это своей жизнью?.. Или ты тоже была плохая мать?.. (*Замирает, бормочет слова молитвы себе под нос*).

Синьор с недоумением смотрит на нее, делает жест, в котором читается: что она несет?...

Бомж, также жестом, просит брата не мешать матери.

Оба брата отходят и поворачиваются к ней спинами.

Женщина начинает говорить все громче и громче.

Женщина. В свободное время... а у меня теперь много свободного времени... я думаю о вас, дети мои... о вашем отце... о себе тоже, но это значит, опять о вас! Я стараюсь понять, в чем должна упрекать себя... могла ли я каким-то образом попытаться помешать... еще когда вы были детьми... или позже... и даже в последний момент... тому, что с вами случилось... А теперь мой старший сын спрашивает: разве не я должна просить у него прощения?.. Не знаю, что ему ответить... Может, и ему... уже взрослому, как и его брату в детстве, было очень плохо без меня, а меня не было с ним рядом... И если я ушла с младшим... об этом я тоже часто думала... то потому, что постепенно... словно куски кожи и мяса... с меня срывало наносное... скрывавшее правду жизни... мои глаза освобождались от пелены... все становилось простым и ясным... Я поняла, что эта мания бездумного труда, безоглядных замыслов, интриг и соперничества... повсюду... без сна и без отдыха... сродни капле воды, которую подхватывает поток, низвергаемый затем водопадом... Безумная суeta из-за крохи богатства, из-за мгновения власти, видимости славы... до тех пор, пока укол булавки не выпустит воздух из этого пузыря гигантской лжи и не закроется занавес этой смехотворной комедии!.. И вдруг я почувствовала, что мне самой больше ничего не нужно, и на сердце у меня стало так легко!.. Но мои сыновья!.. (*Опускает голову, плачет*). Что мне осталось теперь?.. Надеяться, что я могу быть полезной другим... хотя не знаю, как... Порой мне просто хочется сесть на краю дороги и смотреть на людей, проезжающих на автомобилях, или, намного реже, идущих пешком... Смотреть на мужчин, которые всегда куда-то спешат, и на женщин, плетущихся за ними... Женщины! Я хотела бы остановить вас. Одну за другой. И сказать каждой: сядь рядом со мной, поговорим! Не ходи за ним, за этим мужчиной, пусть он идет один, пусть несется к своей Голгофе, к своим инфарктам, губя душу своими деньгами, своей карьерой, своими самоубийственными войнами... А ты останься здесь, со мной. Я расскажу тебе мою историю... и мы вместе подумаем над ней... Я закрываю глаза, я хотела бы вернуться назад...

Закрывает глаза.

Сыновья медленно оборачиваются к ней.

Бомж. Мама!..

Синьор. Мама!..

Женщина (*как бы издалека*). Я здесь, дети мои... Я с вами...

Медленно гаснет свет.

Конец.

Copyright © 2004 Luigi Lunari (текст)
Tel./Fax: +39 039 883177
E-mail: luigi.lunari@libero.it

Copyright © 2011 Валерий Николаев (перевод)
E-mail: val.nik@mail.ru
+7 903 799.34.21